

ЕЛЕНА УСАЧЕВА

УЛИЦА КОШМАРОВ

13

ПРОКЛЯТИЕ ИЗ РУК В РУКИ

Сыграй
с книгой
в страшную
игру

+ ГАДАНИЕ В ПОДАРОК

Елена Усачева

Проклятие из рук в руки

«ЭКСМО»

2006

Усачева Е. А.

Проклятие из рук в руки / Е. А. Усачева — «Эксмо», 2006

Бойтесь попасть под проклятье! Ведь в того, кого прокляли, вселяется ужасный призрак, и такого человека становится просто не узнать... Страшные беды, неисчислимы проблемы сыплются на его голову. И все это случилось с Мишкой Рыбаком. Жуткое существо поработило душу мальчишки и руководило им, точно марионеткой. За спасение Мишки взялись одноклассники. Но как изгнать демона? И что случится, когда он вырвется на свободу и найдет себе другую жертву?..

© Усачева Е. А., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Елена Усачева

Проклятие из рук в руки

Глава 1

Новенький в шестом «Б»

Он уже давно стоял в уголочке рядом с дверью и внимательно смотрел на незнакомые лица.

А его все никак не замечали.

Прозвенел звонок на урок. Все на секунду замерли, являя собой финал пьесы Гоголя «Ревизор» под названием «Немая сцена», а потом с грохотом кинулись занимать свои места. Вот тогда-то и заметили новенького, приткнувшегося в уголке.

– Он пришел? – еще не дойдя до своего стола, спросила училка по русскому Варвара Виленовна, и все дружно показали в сторону новенького. – Ага, – русичка поверх очков посмотрела на стоящего в углу. – Всеволод... – Она глянула в журнал. – Ну да, Всеволод Тараканов. Ищи себе свободное место.

В классе захихикали. К такому имени еще и фамилия соответствующая подобралась.

Новенький мягкой походкой скользнул между рядов, вызывая недовольное фырканье девчонок. Фамилия фамилией, но был загадочный Всеволод отменно красив. Большие выразительные глаза обрамляли бархатные ресницы. Мягкий овал лица подчеркивал изящный изгиб губ и гордый прямой нос. Светло-русая челка падала на широкий лоб. И этот взгляд... Цепкий и чуть насмешливый.

– Садись, – хлопнула ладонью рядом с собой Валька Ромашкина. И сердца пятнадцати девчонок замерли от такой решительности.

– Можно я здесь сяду? – повернулся новенький к учительнице и показал на последнюю парту около окна.

По классу прокатился удивленный вздох. Там, около окна, грустил вечный двоечник и неудачник Мишка Рыбак.

– Не думаю, что это удачное соседство. – Даже Варвара Виленовна была удивлена. – Садись пока. Освоишься, выберешь себе другое место.

Всеволод поставил портфель рядом с партой, изящным, даже танцующим движением отодвинул стул и легко сел. Мишка оторвался от раскрашивания учебника по русскому и тоскливым взглядом посмотрел на новенького. Он был равнодушен ко всему – к учителям, школе, одноклассникам, отцу, матери, братьям, сестрам. Рыбак давно свыкся с кличкой Кефаль, с тем, что его считали дураком и постоянно выбирали в козлы отпущения. Единственное, что его сейчас волновало, – будет ли новый сосед мешать.

Новенький посмотрел на него своим чуть насмешливым взглядом и, склонившись к его грязной лохматой голове, еле слышно прошептал:

– Попробуешь полезть ко мне, буду бить.

От неожиданности Мишка закашлялся и испуганно посмотрел на соседа.

А Всеволод Тараканов уже, казалось, забыл о его существовании. Он достал новую тетрадку, положил на парту новый учебник в обложке и все тем же насмешливым взглядом стал смотреть на учительницу, принявшуюся объяснять самую сложную тему, выпавшую на долю шестого класса, – причастные и деепричастные обороты.

К концу дня выяснилось, что новенький Всеволод...

– Можно просто Сева, – милостиво разрешил он окружившим его девчонкам.

Так вот этот Севка Таракаков отличник. И причем не такой, как Машка Матросова или Серега Шейкин, которые свои пятерки зарабатывали кровью и потом бесконечных зубрежек. Ему все давалось легко. Он с лету запоминал сложные формулы и обороты, с одного раза мог выучить самый сложный английский текст, хорошо рисовал, имел приятный бархатный голос и в отличие от худого очкастого Шейкина легко обогнал во время кросса первого бегуна класса Ленку Измайлову. Это выяснилось в первый же день, который закончился уроком физкультуры.

Девчонки норовили взять обаятельного новенького в оборот. Но на предложения и провокации он не поддавался – а Валька Ромашкина очень старалась, – перемены проводил за своей последней партой и в «открытый космос» класса почти не выходил.

В шестом «Б» остался всего один человек, не поддавшийся общему ажиотажу. Это был Мишка.

После первого заявления новоявленного соседа он подумывал сбежать со всех уроков домой, но что-то его держало. Ведь вместе с Таракановым и он, вечный неудачник Рыбак, оказался в центре внимания. Ощущение было необычное, но приятное.

– Кефаль, ну, как он? – дергали его девчонки за рукав. – Что говорит?

Мишка хлопал бесцветными рыбьими глазами и неопределенно мычал. Свою кличку Кефаль Рыбак получил два года назад, когда вместо урока мира всему классу показали фильм про войну «Два бойца». Там главный герой пел песню про рыбака, который возвращался после удачного улова. «Шаланды, полные кефали, в Одессу Костя приводил...» Фильм Мишке понравился, но такое большое количество незнакомых слов его смутило.

– А что такое кефаль? – спросил он.

Получилось неожиданно громко. Класс дрогнул от хохота. И к его фамилии Рыбак присоединилась вполне логичная приставка Кефаль.

Сосед амебного Мишку волновал. Под его насмешливым взглядом он открывал учебник и тщательно списывал примеры, стараясь не заминать уголки тетрадей и не смазывать кулаком чернила. Он даже сделал один раз домашнюю работу. И хотя у него ничего не получилось, это событие его самого потрясло.

Неделя прошла в быстрых девчоночьих взглядах, мальчишеском недовольном сопении и ровном голосе новенького, легко отвечающего на любой вопрос по любому предмету.

А потом случилось неожиданное.

Посередине урока литературы, когда Варвара Виленовна с жаром объясняла классу ценность «Слова о полку Игореве», Мишка вдруг оторвался от изучения подков лошади князя Игоря, изображенного на иллюстрации в книжке, и медленно полез в свой рюкзак.

Севка уже достаточно освоился в классе, чтобы на уроках безнаказанно читать под партой толстые энциклопедии. Поначалу Мишкино движение он не заметил. За неделю Кефаль не совершил ни одного жеста, после которого стоило привести угрозу в исполнение – побить его. Наоборот, Мишка либо держался в стороне, либо задумчиво глядел в окно, либо подрисовывал очередному литературному персонажу усы.

Но тут все изменилось. Варвара Виленовна, устав рассказывать, вызвала Тараканова читать наизусть отрывки из «Слова». Севка кивнул, прогнал назойливый чуб с глаз и встал. Все с готовностью принялись слушать. Первую минуту Тараканов не разочаровывал благодарных слушателей. Хорошо поставленным голосом, он рассказал о трансформации мысли древнего сказителя, а потом вдруг замолчал.

Варвара Виленовна, кивавшая в такт его словам, удивленно подняла глаза.

Дальше все произошло мгновенно. Севка подпрыгнул, упал на колени и полез под парту. Послышались звуки борьбы. В воздух взлетела синяя зажигалка. Грохнула, опрокидываясь, парта. Бледный до синевы Севка за грудки выволок в проход Мишку. Кефаль сучил ногами,

пытался царапаться, даже что-то хрипел. Но слов разобрать было нельзя. Сейчас он был очень похож на ту самую рыбу, что Костя в песне привозил в Одессу.

Тараканов вдруг отбросил от себя покрасневшего от натуги Мишку.

– Убирайся! – завопил он и с размаху врезал Кефали по лицу.

Мишка обмяк и долгую секунду тупо хлопал ресницами, глядя на взбесившегося соседа.

– Прекратите! – крикнула Варвара Виленовна, хотя никакой драки уже и не было. – Тараканов, что такое?

– Это наше дело, – прошептал Севка, трясущейся рукой касаясь распухшей губы.

Ничего не понимающий Мишка подхватил свой рюкзак и бросился вон. Севка поднял забытую соседом зажигалку и сунул ее в карман.

– Ладно, – Варвара Виленовна строго посмотрела на класс. – Объясняться будем потом. Продолжаем урок.

Севка наклонился за упавшей энциклопедией и незаметно для всех провел рукой по лодыжке, на которой болезненно пульсировал след от ожога. Пока Тараканов читал сказание, залезший под парту Мишка поднес к его ноге зажженную зажигалку.

На перемене класс возмущенно гудел. Улыбаясь своей фирменной ехидной улыбочкой, Севка слушал претензии ребят и молчал.

– Скажи ты наконец что-нибудь! – не выдержала нетерпеливая Валька. – Что там у вас произошло?

– Ничего не произошло. – Севка сидел на столе и беззаботно качал ногой. – Мы с Кефалью поспорили, подеремся мы на уроке или нет. Я выиграл.

– Неубедительно, – покачала головой Варвара Виленовна, уходя вместе с Севкиным дневником.

Мишка появился в классе к концу уроков. Они с Севкой тихо пережили географию, пока на алгебре не выяснилось, что у Тараканова нет домашней работы.

– Я тетрадь забыл. – На Севкином лице не дрогнул ни один мускул. Хотя в душе у него клокотал ураган. Тетрадь он не забыл, она у него была. До последнего урока. А потом испарилась.

Класс замер, зная, насколько строг математик Сергей Юрьевич к подобным вещам.

– Ну что ж. – Математик нехорошо улыбнулся. – Иди к доске. Раз ты все решал, тебе несложно будет повторить уже выполненное задание. – Слово «выполненное» он особенно подчеркнул.

Севка легкой пружинистой походкой подошел к доске и стал быстро решать. Он написал уже почти все, когда что-то его остановило.

В классе стоял привычный гул: перешептывались девчонки, обсуждали последние новости мальчишки, шелестели страницы учебников, кто-то еле слышно хихикал. Но вот чуткое ухо отличника уловило еще один звук. Кто-то осторожно, стараясь не привлекать к себе внимания, рвал бумагу.

Тараканов бросил быстрый взгляд назад. Кефаль сидел на своем месте и, судя по двигающимся локтям, что-то под партой делал.

Севка за минуту дописал решение и, не дожидаясь разрешения учителя сесть на место, помчался к своей парте. Неуклюжий Мишка только еще поднимал голову, а Тараканов уже был рядом. Он сдернул с Мишкиных колен свою тетрадку с домашкой, от которой осталась только жалкая обложка. Взлетели изорванные странички.

– Ничего себе, – присвистнул сидящий неподалеку отличник Серега Шейкин.

Класс вскочил. Видевшие эту сцену ахнули, те, кто рассмотреть не успел, попробовали пробиться вперед. Получилась маленькая куча мала. Возбужденные голоса ребят не смог перекрыть даже мощный голос Сергея Юрьевича. Урок был сорван.

– Он просто завидует, – вынесли свой приговор девчонки на перемене.

– Раньше не завидовал, а теперь начал? – Бегунья Ленка Измайлова любила спорить и старалась ни с кем никогда не соглашаться.

Остальные только качали головами – никаких версий происшедшего у них не было. Виновники этого переполоха ничего объяснять не собирались, они потихоньку сбежали.

Еще на уроке, увидев результаты своей деятельности, Рыбак все бросил и снова смотался, в этот раз забыв свой рюкзак. Севка стал собирать остатки своей тетрадки. И не то чтобы лицо у него было сильно расстроенное... Нет. Все с той же еле заметной улыбкой он подобрал обрывки, засунул все это в портфель, сказал: «Извините» – и вышел из класса. Прихватив с собой Мишкин рюкзак.

Дальше Тараканов поступил еще более странно. Он не стал прочесывать коридоры в поисках Рыбака, не пошел в учительскую, чтобы выяснить адрес незадачливого соседа, не стал дожидаться его на улице. Он преспокойно отправился домой, переоделся, пообедал, надел роликовые коньки и снова вышел на улицу.

Осень в этом году выдалась особенно теплая и солнечная. Желтые листья тихо осыпались на землю, синички перекрикивались с воробьями, редкие облака таяли в поднебесье. Жизнь была прекрасна.

Севка несся на роликах, мастерски перепрыгивая через трещины на асфальте, лавируя между прохожими, перелетая с бордюра на бордюр. Он так увлекся, что не сразу заметил возникшее у него под ногами препятствие.

Тараканов как раз перепрыгнул через толстый сук, перегораживающий дорогу, когда с характерным скрипом канализационный люк перед ним отъехал в сторону. Севка ничего не успел сделать. Правый ролик попал в образовавшуюся щель и застрял там. По инерции Тараканова потянуло вперед. Нога подвернулась, колесики хрустнули, и Севка обнялся с крышкой люка.

– Носятся сломя голову, – проворчала проходившая мимо бабулька. – Под ноги не смотрят.

Боль была адская. Севка попытался приподняться, но не смог. Краем глаза он заметил, как в стороне метнулся Кефаль.

– Как же это ты?

Если ты ни за что не хочешь, чтобы о твоей неудаче кто-нибудь знал, ты непременно встретишься с добрым человеком, который расскажет об увиденном твоим друзьям. В роли «добротного человека» на этот раз выступала Валька Ромашкина.

После короткого обсуждения событий прошедшего дня девчонки разошлись по домам. Дорога к Валькиному дому проходила как раз мимо коварного люка, рядом с которым размышлял о превратностях судьбы Севка Тараканов.

– Тараканчик, тебе больно? – с дрожью в голосе спросила Валька. – Может быть, «Скорую» вызвать?

– Нет, «Скорая» мне уже не поможет. – Севка освободил пострадавшую и уже заметно опухшую ногу от конька. – Мне бы тапочки какие-нибудь.

– Сейчас, сейчас, – заторопилась Валька и, зачем-то бросив все вещи рядом с Севкой, помчалась домой. Уже через минуту она вернулась с охапкой тапочек в руках. – Выбирай, – щедро предложила она, – какие тебе больше подойдут.

К вечеру хромающий Севка был доставлен к дверям своей квартиры, а Валька помчалась обзванивать одноклассниц и сообщать им потрясающую новость – она спасла от верной гибели самого Всеволода Тараканова!

Дома Севка коротко объяснил родителям, что с ним произошло, и закрылся в своей комнате.

– Дождемся ночи, – прошептал он, выключая свет.

Долго скучать ему не пришлось. Часы не успели еще отсчитать десять часов вечера, когда мимо Севкиного окна промелькнула быстрая тень. Жил он на первом этаже, поэтому теням можно было и не удивляться. Но эта тень была особенно настойчива. Она еще пару раз прошлась туда-сюда и остановилась прямо под окном. Тренькнул потревоженный подоконник. По раме чем-то поскребли. Стукнула, открываясь, форточка. Штора дернулась.

– Заходи, – спокойно произнес Севка, включая свет.

В тусклом свете ночника нехорошим блеском сверкнули Мишкины глаза. Сейчас в нем не осталось ничего от того понурого и равнодушного двоечника, что честно отсидел свои пять лет за последней партой у окна. Сейчас он был похож на дикого кота, готового броситься в смертельную схватку.

Рыбак дернулся было обратно, но Тараканов остановил его.

– Поговорить надо, – произнес он, и форточка у Мишки над головой захлопнулась.

Глава 2

Черный человек

– Не забудь рюкзак, вон он лежит. – Севка спустил ноги с кровати.

Мишка на секунду отвернулся, чтобы посмотреть в указанный ему угол. Рюкзак там действительно лежал. В следующее мгновение он получил оглушительный удар подушкой по голове и, обрывая шторы, повалился под батарею.

– Чего это? – перестав обниматься с батареей, Кефаль стал озираться. – Где это я?

– Привет. – Севка дохромал до окна и протянул соседу руку. – Вот мы и встретились.

Поняв, где находится, Мишка попытался совершить обратный рывок к форточке. Но былая ловкость из него улетучилась. Максимум, на что его хватило, это оборвать последние крючки на шторе и снова свалиться на пол.

– Всеволод, что у тебя происходит? – послышался из коридора голос Севкиной мамы.

– Все в порядке. – Тараканов сделал Мишке предостерегающий жест, чтобы он ни в коем случае не заговорил. – Это я книги переставляю. Вставай, – повернулся он к Рыбаку.

Чтобы их разговор не был слышен, Севка включил магнитофон, знаками показав Кефали, что он может перестать жаться к батарее.

– Это... – Мишка переминался с ноги на ногу и тоскливо поглядывал в сторону окна. – Пойду я. А то батя заругает, что я опять поздно домой пришел.

– Подожди, разговор есть. – Севка вернулся на кровать и вытянул пострадавшую ногу. – Да сядь ты, а то упадешь. Сейчас услышишь такое – закачаешься.

– Да ладно, – слабо улыбнулся Мишка.

– А знаешь, – Тараканов продолжал насмешливо смотреть на одноклассника, – ведь ты меня убивать приходил.

– Чего? – Мишка плюхнулся прямо на ковер. – Когда это?

– А вот прямо сейчас. – Тараканов был абсолютно спокоен. – Только это был не ты, а мой черный человек. Вернее, мое проклятие. Дело в том, что я вундеркинд.

– Чего? – Кефаль покосился на далекую форточку. При таком повороте событий нужно было бежать отсюда как можно быстрее.

– Я гений. – Лицо Севки было таким же бесстрастным, как и во время чтения «Слова о полку Игореве». – Мне все очень легко дается, я любой предмет знаю в пределах первых курсов институтов. Мне давно предлагали закончить школу, получить аттестат и поступать куда-нибудь. Но я не хочу. Во-первых, я пока еще не выбрал, кем стану, а во-вторых, скучно это. Я однажды учился со старшеклассниками... Зря потраченное время. Ты меня понимаешь?

Кефаль на всякий случай кивнул, хотя в глазах у него был написан неподдельный ужас.

– Я все что угодно могу. – Севка наклонился вперед, решив, что чем ближе он будет к собеседнику, тем лучше его поймут. – Могу стихи писать, могу симфонию сочинить, как Моцарт. Музыканты еще поспорили бы, чья симфония лучше. Но это все не то.

Тараканов замолчал, внимательно глядя в лицо Мишки. Губы Рыбака дернулись в жалкой ухмылке.

– Слушай, пойду я, ладно? – попросил он.

– Подожди! – Севка схватил Кефаль за руку. – Тогда от старшеклассников я пришел со странным даром. Видимо, кто-то решил, что мне все слишком легко дается, и усложнил мою жизнь.

В дверь постучали.

– Всеволод! – Это снова была мама. – Звонила соседка. Она говорит, будто в окно твоей комнаты кто-то залез.

– Ей показалось! – отозвался Тараканов, поворачиваясь в сторону закрытой двери. – У меня никого нет! – Он дернул Мишку на себя. – У меня появился антипод.

Рыбак зажмурился и, кажется, перестал дышать.

– Отпусти, а, – прошептал он. – Я месяц в школу ходить не буду. Правда. Скажу, голова болит. Или еще что придумаю.

Глядя на Кефаль, с трудом верилось в то, что он может что-то придумать.

– Антипод – это тот, кто выступает против. Понимаешь? – Мишка попятился и замотал головой, но Севка его держал крепко. – Да погоди ты уходить! Он делает все наоборот. Если я хорошо учусь, много читаю, занимаюсь спортом, то он двоечник, лентяй и даже одного раза подтянуться не может.

Мишка перестал упираться и с тоской посмотрел на Севку.

– Мне спортом нельзя заниматься, – прошептал он и взял свой рюкзак, – у меня голова больная.

Больше не слушая Севкиных доводов, Рыбак мягко освободился от его руки, поставил стул под окно, распахнул форточку. В комнату ворвался сырой осенний ветер. Мишка сначала выбросил рюкзак, потом стал примерять, как ему будет сподручней лезть самому.

– Если что произошло, сразу я виноват? – обиженно произнес он, ставя ногу на подоконник.

– Сальери убил Моцарта. – Севка встал. – Дантес убил Пушкина, Лермонтова тоже убили. Мандельштам погиб. Ты думаешь, это все просто так? У них были антиподы. Черный человек, который мечтал их уничтожить!

Кефаль подпрыгнул, стул повалился на пол. Рама предупреждающе затрещала. Тяжелый Мишкин ботинок стукнул в стекло. Еще один такой удар...

Севка схватил Рыбака за штаны и потащил обратно.

– Ты тут ни при чем! – Мишка упирался вяло, Севке даже усилий не пришлось прикладывать. – Я уже четвертую школу меняю. И каждый раз в классе находится такой, как ты, мой антипод. Причем не сам ты хочешь меня уничтожить, а некто, вселяющийся в тебя. Ты ведь не помнишь, как здесь очутился. Ты даже не помнишь, как хотел меня в канализационный люк спихнуть. А зажигалка у тебя откуда взялась, ты знаешь?

– Что ты ко мне привязался? – не выдержал Кефаль, отталкивая от себя Тараканова. – Садись с кем-нибудь другим. Я вообще тебя видеть не хочу! Убирайся отсюда!

Мишка с грохотом поднял упавший стул. В дверь снова постучали.

– Всеволод, – голос мамы звучал очень настойчиво. – Открой! К тебе девочки пришли. Они утверждают, что ты проломил голову и теперь умираешь.

– Проходной двор какой-то, – выругался Севка, отодвигая задвижку.

Стоящие на пороге девчонки, Валька Ромашкина и Ленка Измайлова, шарахнулись в сторону, чуть не сбив с ног Севкину маму.

Тараканов удивленно обернулся. У него за спиной стоял Мишка со стулом в руках.

– Убьет! – вдруг завизжала впечатлительная Ленка, и узенький коридорчик вздрогнул от визга и крика. Севка кинулся вперед, пытаясь успокоить побледневшую мать. Ленка рвала ручку входной двери, Ромашкина по стеночке двигалась в сторону безопасной большой комнаты, откуда выглядывал Севкин отец. Один Мишка стоял, довольно улыбаясь.

– Ну, прямо как у меня дома, – произнес он. – Такой же шум.

И наступила тишина.

– Мы поговорим у меня. – Севка взял Измайлову за руку и отвел подальше от входной двери.

– У тебя все в порядке? – робко спросила мама.

– Все хорошо, – кивнул Тараканов, заводя своих шумных гостей в комнату. – Мы на полчаса.

Ленка округлившимися глазами смотрела на Севкину ногу.

– А Ромашка сказала, у тебя открытый перелом и еще рука плетью висит, – прошептала она.

– Да что ты, – мрачно хмыкнул Тараканов. – Я всего-навсего свалился в люк, и меня обварило кипятком. – Он грозно посмотрел на непрошенных гостей. – Зачем пришли?

– Ромашка сказала... – как заведенная повторила Измайлова.

– Что я помираю? И вы пришли проститься, – закончил за нее Севка. – Простились. Это все?

– А он и правда хочет тебя убить? – тихо спросила Валька, кивая на замершего Рыбака. – Из зависти, да?

– Да что вы ко мне привязались? – расстроился Кефаль, бросая стул на пол. – Надоели вы мне все. – Он подбежал к двери: – Все!!!

Одна за другой хлопнули две двери – в комнату и на лестничную клетку. Вскоре раздался топот под окном – это Мишка поднимал рюкзак. На секунду в окне мелькнула его физиономия, и снова стало тихо.

Часы в коридоре пробили половину одиннадцатого.

– Пойду-ка я вас провожу. – Севка взял со стула свою куртку. – Спасибо, Ромашкина, за тапочки. Они мне здорово помогли. Дверь открывается от себя, – повернулся он к Измайловой, намекая на то, что перед этим она пыталась ее открыть в другую сторону.

Ребята вышли на улицу, Тараканов слегка прихрамывал, чуть опираясь на любезно подставленную Валькой руку.

– А чего Кефаль вокруг тебя вьется? – не унималась Ленка. – Ты взял над ним шефство?

– Скорее он надо мной. – Тараканов галантно придержал дверь перед выходявшей последней Ромашкиной. – Обещал приносить домашние задания, пока я дома с ногой буду отлеживаться.

– А давай мы приносить будем, – тут же отозвалась Валька. – Рыбак никогда ничего не записывает.

Так они и шли по темному городу. Девчонки пытались навязать Севке свою помощь, Тараканов мягко отказывался, ссылаясь на свою дружбу с Кефалью. Девчонки удивлялись, предлагали еще что-нибудь, и непринужденный разговор катился дальше.

Севка уже попрощался с Ленкой. Осталось довести только дальше всех живущую Вальку, когда Тараканов почувствовал, что за ними кто-то идет. Не сказать, что вечерняя улица была совсем пуста, и малейший шорох за спиной казался преследованием. Но что-то такое происходило. Валька самозабвенно рассказывала очередную тайну своей закадычной подружки Ленки Измайловой, когда Тараканов перестал ее слушать и остановился. Они подходили к тому самому месту, где Севка сегодня встретился с люком. Справа от него шел стройный ряд высоких кустов боярышника, слева рос одинокий чахлый каштан, уже расставшийся не только со своими плодами, но и с большими пятипалыми листьями.

– Смотри, каштан, – Севка наклонился и поднял большой коричневый плод.

– Ой, еще, – обрадовалась Валька, садясь на корточки.

В ту же секунду у них над головами что-то просвистело. Тонкий ствол каштана дрогнул от удара. На землю свалился приличный булыжник. Ромашкина отползла в сторону, поднимая очередной каштан – она ничего не заметила. Тараканов встал в полный рост. Под боярышником зашелестела листва.

– Ты трус, – прошептал Севка. – Промахнешься.

Вылетевший из темноты камень действительно пролетел мимо.

– А вот сейчас можешь попасть!

Тараканов нырнул в боярышник. В лицо ему полетела пригоршня листьев. Севка бросился вперед, но шаги уже звучали слишком далеко, чтобы Мишку можно было догнать.

– Эй, ты где? – позвала Валька. – Там боярышник, там не может быть каштанов.

– Не может, – согласился Тараканов, возвращаясь на дорожку. – Слушай, у меня родилась гениальная идея.

Ромашкина побросала свою «добычу» и приготовилась слушать. Севкин план был прост.

Слишком уж тихо и скучно последнее время живет шестой «Б». Самое время его чем-нибудь удивить. Например, сделать из вечного двоечника Мишки Рыбака если не отличника, то хотя бы уверенного троечника, а пару предметов даже на четверки вытянуть.

Валька довольно хихикала. То-то все удивятся.

– Пошли его ловить, – Севка снова полез в боярышник.

– Да он дома давно сидит, телик смотрит, – засомневалась Ромашкина.

– Спорим, он где-то рядом! – Севка лез напролом. – Я его чувствую!

Кефаль действительно вскоре нашелся. Он сидел за углом Валькиного дома и трясущимися руками сжимал голову. Голова у него раскалывалась от нестерпимой боли. Он не понимал, что он здесь делает и как вообще очутился ночью на улице. Перед глазами стояло улыбающееся лицо новенького. Что-то с Мишкой происходило такое, что не давало жить так же беззаботно, как раньше. Но что?.. Явно что-то связанное с Таракановым. Он успокоился, встал и вдруг прямо перед собой увидел Севку Тараканова. Рыбак пару раз моргнул, прогоняя навязание.

– Я, это... – Мишка пытался собрать разбежавшиеся мысли. – Мне бы домой.

– У нас к тебе дело. – Севка взял Рыбака под руку. Валька пристроилась с другого бока, и вдвоем они повели Мишку в гости к Ромашкиной.

Глава 3

Попытка – не пытка

У Севки Тараканова действительно были большие проблемы. Хотя неприятности у него случались всегда. Сколько себя помнил, он с трудом уживался в любом коллективе: в детском саду, школе, с ребятами во дворе.

И все из-за гениальности.

Иногда он сам не знал, что и откуда у него бралось. В три года он уже умел читать и считать, к шести имел коллекцию открыток, календариков и марок, в семь изобрел паровую машину. Тогда же научился играть на пианино и даже придумал новую нотную грамоту, но в музыкальной школе о нем и слышать не хотели. «Мы учим нормальных детей», – сказала заведующая, закрывая за одиноким Севкой двери. Записываться в музыкальную школу он пошел, естественно, один, мама об этом даже не догадывалась. На Новый год, когда ему должно было исполниться восемь, он сочинил поэму, но родители не поверили, что сын не списал ее откуда-нибудь. К третьему классу Севка научился изображать, что он учится, хотя на самом деле тихий ученик уже примеривался к папиным учебникам по высшей математике. В третьем же классе ему предложили учиться в девятом, но оттуда он сам сбежал, не выдержав насмешек. «Из-за спин мне не видно доски», – так объяснил он свое возвращение в родной класс.

А потом его начал преследовать его же одноклассник, маленький злой двоечник Митька. Он стал его персональным кошмаром и вечным проклятием на долгий учебный год.

С тех пор он поменял уже четыре школы, а проклятие все не выветривалось. В каждом новом классе находился свой двоечник, который тут же принимался сживать Севку со света.

Тараканов научился драться, записался в секцию тейквондо. Даже пробовал вообще не ходить в школу. Но тогда жизнь становилась еще труднее, потому что тем самым загадочным «антиподом» мог оказаться любой встречный на улице. В мирного до недавнего времени человека словно какой-то бес вселялся. Причем после попытки столкнуть Тараканова под поезд незнакомец сразу терял к нему интерес и даже с трудом вспоминал, что недавно произошло.

Шестой «Б» класс стал у Севки пятым по счету, и он понял, что надо действовать самому, первому нанести «удар», иначе загадочное проклятие изведет его вконец.

Пушкина ведь убили! А сколько еще таких неизвестных гениев погибли, даже не успев заявить о себе миру. У Тараканова были свои планы на ближайшие пятьдесят лет, и разменить их на внезапную смерть он не собирался.

В шестом «Б» был всего один двоечник, четыре закоренелых троечника, два махровых отличника, остальные колебались между четверками и тройками, изредка забираясь в пятерки. Значит, противник у Севки был один, и с этим можно легко справиться, превратив Мишку из двоечника в уверенного троечника. Работа предстояла адская, но спокойные пятьдесят лет жизни того стоили.

Мишкины родители были довольны, что их сыном наконец-то кто-то занялся. Сам же Рыбак всеми правдами и неправдами пытался избавиться от нежданно-негаданно свалившихся ему на голову одноклассников.

Радуюсь, что у нее с Севкой нашлось общее занятие, Валька с жаром взялась за воспитание Рыбака. Для начала они пересадили Мишку с последней парты в центр класса. И теперь за утро и день Тараканов был спокоен.

Оставались вечер и ночь.

Но была и еще одна маленькая проблема. Мишка в меру своих способностей рассказал Вальке о разговоре дома у Тараканова.

О Севке по классу поползли разнообразные слухи.

– Вы слышали? – Ленка Измайлова чуть не свалилась со стула в попытке развернуться к соседкам на полные сто восемьдесят градусов. – Говорят, Тараканчик наш при смерти. У него редкая тяжелая болезнь. Ей даже название еще не придумали. Он тает изнутри. Прямо как мороженое. Шоколад есть, а пломбир уже весь вытек.

– Вы слышали? – шепталась с девчонками из соседнего класса Валька Ромашкина. – У нас новенький появился. Папа с ним в детстве йогой занимался, он может на гвоздях спать и шурупы глотать. А еще он человека насквозь видит и мысли читает на расстоянии. У нас один есть, хотел новенького стулом по голове стукнуть, так он мысль заранее прочитал и велел не делать этого. Во!

– Вы слышали? – вокруг отличника Сереги Шейкина собралась кучка мальчишек. – Наш Тараканов-то под обвалом побывал, и теперь ему везде враги мерещатся. А еще он умеет книгу сквозь обложку читать и взглядом за угол загибать. Поэтому он в отличники и выбился. Когда идет отвечать, на парте открытую книгу оставляет, а потом от доски ее читает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.